

М. Кузмин

Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро

Книга вторая

Главы из повести

...В самом конце февраля 1779-го года граф и Лоренца прибыли в курляндский город Митаву и остановились в гостинице на базарной площади. Они приехали около полудня, и Калиостро решил отдохнуть раньше, чем идти к Медем, к которому у него было рекомендательное письмо. Были уже сумерки, и растаявшая за день земля снова замерзла. Со двора, через который нужно было проходить в дом г-жи Медем, доносились детский крик и громкие взрывы смеха. Калиостро обернулся и увидел невысокую ледяную горку, с которой на широких саночках катались трое малюток, четверо или пятеро остальных прыгало и смеялось на деревянной верхушке горы, тормоша высокую девушку лет восемнадцати в меховой шапке с наушниками и с большой полосатой муфтой, Лицо ее, круглое и румяное, освещенное последним отблеском зари и снега и оживляемое детским весельем, казалось почти сияющим. Короткая полудетская юбка позволяла видеть маленькие ноги, обутые в высокие валяные сапожки, отороченные мехом. Она смеялась и бросала вслед катившимся куски скатанного снега.

Лотта, Лотта, катись за нами! – кричали ей снизу.

– На чем я покачусь? На своей шубке? Возвращайтесь скорее с санками.

Потом, подобравши шубку, она стала усаживаться в широкие, но все же слишком тесные для взрослого человека санки к общему веселью детей.

– Ну, кто со мною?

– Я! я! И я! И я! Лотхен, и я!

– Ну, вались все кучей!

И она сгребла действительно смеющейся и визжавшей кучей всех желающих. Санки тронулись. От неправильной тяжести свернули в сугроб, опрокинулись, и все пассажиры рассыпались и покатались уже самостоятельно, без санок, в разные стороны, теряя шапки, рукавички, мелькая ногами в теплых пестрых чулках, крича от испуга и восторга. Сама Шарлотта долго не могла встать от смеха. Наконец ее подняли общими усилиями, и она, отряхнувшись от снега, легкой походкой в кругу детей отправилась к дому.

Калиостро, сняв шапку, спросил:

– Как пройти к г-ну Медем?

Девушка остановилась в некотором изумлении.

– Вы к папе?

– Я к графу Медем, я не знаю, батюшка ли он вам.

– Да. Это мой отец. У меня еще есть дядя, тоже Медем...

Я сейчас вас проведу. Подождите» дети, не ходите за мною я поклонитесь господину.

– Не беспокойтесь, я сам дойду, вы мне только укажите вход. Я не хочу мешать вашим развлечениям.

Девушка покраснела.

– Вы давно смотрите, как мы дурачимся?

– Довольно.

– Вы, наверное, подумали: какая глупая девушка, уже взрослая и возится с ребятами. Я люблю детей.

– Это делает честь вашему доброму сердцу. Ах, Лотта такая добрая, такая добрая!

– Сестрица совеем как ангел!

– Тише, – дети, тише!

Это ваши братья и сестры? – спросил граф.

– Не все.

– Нет, все, ты всем сестрица, всем! – Видите, как вас любят!

Шарлотта стояла, опершись рукою на голову самого маленького, и, улыбаясь, ответила:

– Вы их простите, сударь, они маленькие дикари и говорят без прикрас. И еще простите, что случайно вам пришлось попасть в такое шумное общество.

– Мне случай дал возможность быть свидетелем очаровательной сцены.

– Благодарю вас! – ответила девушка, приседая, потом, указав графу подъезд и подождав несколько секунд, вдруг сказала вдогонку:

– Вы не из Берлина, сударь?

– Моя последняя остановка была в Кенигсберге, но я был и в Берлине.

– Вы граф Калиостро?

– Да, это я.

Вас ждут.

Граф поклонился и продолжал идти к высокому крыльцу.

2

Если вообще Калиостро ждали в семействе Медем, то в данный вечер, казалось, никто не был приготовлен к его появлению.

Два брата Медем, нотариус Гинц и г-жа Кайзерлинг спокойно играли в карты при свечах и со спущенными шторами. Графиня Медем, г-жа Бирен и молодая г-жа Гратгауз рядом вязали за круглым столом; в соседней комнате кто-то играл на фортепиано; при каждом громком пассаже собачка поднимала голову и ворчала, а г-жа Кайзерлинг, не отрываясь от карт, кричала:

– Тихо, Фрид! Это советник Швандер играет Гайдна. Все в порядке.

Через три комнаты служанка резала хлеб и расставляла тарелки; парень с фонарем стоял у порога, принеся молока с погребца, и говорил о погоде. Все было в порядке, все было как всегда в этот мирный митавский вечер.

Приезд незнакомого человека нарушил спокойствие ужина. Прочитав переданное ему письмо, Медем поцеловался с графом и, показав на него рукою своим семейным, произнес:

– Это он.

Когда дошла очередь позжать руку Калиостро до советника Швандера, последний, посмотрев на гостя поверх очков, спросил:

– Не граф ли Феникс вы в одно и то же время?

– Да, я иногда называюсь и этим именем, когда нужно соблюдать особенную тайну. Я думаю, что это не меняет дела.

– О, конечно! Нам писал о вас майор Корф.

– Из Кенигсберга?

– Вы угадали.

Калиостро нахмурился. Г-жа Кайзерлинг, складывая и раскладывая карты, которые она держала в руке, заметила про себя:

– Советник верен себе, как часы!

Калиостро сдержанно, словно с неохотой, произнес:

– Г-н Корф прекрасный человек, насколько я могу судить.

– Прекрасный, вполне достойный! — с ударением подтвердил Швадер. — Но иногда легкомысленно судит о некоторых вещах и людях, которые вполне заслуживают более серьезного и осмотрительного отношения к ним!

– Вы отлично говорите, но я думаю, что в вещах важных именно эта-то осмотрительность и руководит всегда майором.

Граф очевидно начинал приходить в волнение и даже некоторый гнев. Осмотревшись, он говорит:

– Меня удивляет ваше недоверие, господа. Когда я снабжен такими письмами от обществ...

– Вы их показывали и в Кенигсберге?

– Конечно!

– И, однако, они не убедили майора! Калиостро только мигнул глазами и продолжал:

– Я приезжаю в дику и варварскую страну...

– Позвольте, господин гость! Не следует порочить тех людей, которые оказывают вам гостеприимство. Мы вовсе не так дики, как вам угодно думать: у нас есть посвященные и общество, кроме того, почтенный доктор Штарк уже давно преподает нам церемониальную магию.

– Церемониальная магия! — нетерпеливо воскликнул граф и обернулся.

На пороге стояла Анна-Шарлотта Медем, окруженная теми же детьми. Калиостро быстро подошел к ним.

– Тут есть какой-нибудь ребенок нездешний?

– Как нездешний? — спросила Шарлотта. — Они все из Митавы.

– Я хотел сказать, не из этого дома.

– Вот маленький Оскар-Ховен, ему давно пора домой! — ответила девушка, выдвигая вперед мальчика лет шести.

– Нет! — проговорил тот упираясь.

– Как, ты не Оскар Ховен?

– Не надо домой!

– Пусть он останется на полчаса! — сказал Калиостро и затем продолжал властно, будто отдавая приказание: остальные дети пусть удалятся. Пошлите письмо к г-же

Ховен, пусть узнают, что она делала в семь часов, подробно и точно. Здесь все свои?

Медем молча наклонил голову в знак утверждения. Заперев двери, Калиостро положил руки на голову маленького Оскара и поднял глаза к небу, словно в мысленной молитве. Затем произнес странным голосом, совсем не тем, что говорил до сих пор:

– Дитя мое, вот книжка с картинками, ты увидишь там маму. Говори все, что заметишь.

При этом он обе руки сложил тетрадкой и поместил их ладонями к глазам малютки. Тот вздыхал и молчал, его лоб покрылся испариной. Было так тихо, что было слышно, как потрескивают восковые свечи на картонном столе и тихонько ворочается собака.

– Говори! — повторил Калиостро еле слышно.

– Мама... мама шьет, и сестрица Труда шьет. Мама уходит, кладет шитье, подвигает скамеечку под диван... сестрица одна... ай, ай! Что это с сестрицей? Как она побледнела. держит руку у сердца. Вот опять мама, она целует Труду, помогает ей встать... А вот пришел Фридрих... он в шапке... кладет ее на сундук, обнимает маму... Труда улыбается... Фридрих очень красный...

Ребенок умолк. Все оставались неподвижно на местах, часы тикали. Лицо мальчика перестало быть напряженным, и он заснул спокойно. В двери постучали.

В письме г-жи Ховен было написано: «В семь часов я шила с Гертрудой, потом вышла по хозяйству. Вернувшись в комнату, я увидела, что с дочерью сердечный припадок, она была страшно бледна и рукою держалась за сердце. Я очень испугалась, стала ее целовать, стараясь перевести в спальню. Тут совершенно неожиданно для нас вошел Фридрих, который вернулся из имения раньше срока и которого мы считали за десять верст от Митавы. Дочери стало легче, так что она даже стала улыбаться. Тут пришел ваш посланный, и вот я пишу».

Медем читал письмо вслух. Не успел он его окончить, как Шарлотта через всю комнату бросилась к Калиостро, смеясь и плача стала целовать ему руки и колени, восклицая словно исступленная:

– Дождались, дождались! О, учитель! Какой счастливый день!

– Милое дитя! — нежно сказал Калиостро, целуя Шарлотту в лоб и поднимая ее с пола.

Граф Медем почтительно подошел к Калиостро и сказал, наклоня голову:

– Учитель, простите ли вы нашу недоверчивость, наше сомнение? Поверьте, только желание искреннего рассмотрения и добросовестность заставили нас не сразу раскрыть сердца. Дни лукавы, а врагов у братьев не мало.

Порыв Шарлотты никого, по-видимому, не удивил. Она была известна как девушка экзальтированная, порывистая и переменчивая. Обладая острым, слегка насмешливым умом, прекрасным и благородным сердцем, детским и мечтательным характером, она пользовалась большим влиянием не только в семейном кругу и у митавских масонов, но у многих людей, даже мало ее знавших, так что ее мнения и поступки иногда служили совершенно неожиданными

примерами. Но в кружке Медемов перемены настроений непостоянной Шарлотты действовали, может быть, более, чем следовало, и отражались неизменно как давление атмосферы на барометр, так что Калиостро даже сам не предполагал, какую одержал победу, покорив сердце девушки.

Кроме того, имея через отца большие связи, Анна-Шарлотта их энергично поддерживала, будучи яростной корреспонденткой, и, сидя в Митаве, имела новости, привязанности, поручения, дела, безделье, сведения о книгах, автографы знаменитостей почти из всех городов Германии, России, Польши, Франции и Англии. Она знала почти все европейские языки и была хорошей музыкантшей, играя на фортепьяно, скрипке и арфе и обладая приятным, несколько сухим голосом.

На следующее утро Лоренце сделали визит Шарлотта с матерью, ее тетка, г-жа Кайзерлинг и другие дамы их кружка, а скоро граф и графиня переселились к Медемам, чтобы Калиостро удобнее было наставлять своих новых учеников. Пошли весенние дожди, не позволяя часто выходить из дому. Калиостро был всецело занят устройством новой логи, и даже часть дома Медемов переделывали специально, чтобы можно было собираться и делать опыты ясновидения, точно следуя указаниям нового учителя. Лоренца несколько скучала, хотя и подружилась с Шарлоттой. Но идеалистическая экзальтированность девицы Медем не очень нравилась итальянке и была ей даже непонятна, так что графиня чаще проводила вечера за картами с пожилыми дамами.

Это было уже в начале апреля. Граф пошел погулять по уединенной дороге, редко обсаженной березами и ведущей к кладбищу. На середине пути было выстроено довольно неуклюжее круглое сооружение с тремя окнами, называвшееся «кладбищенской беседкой», туда никто не заходил, так как оно стояло в стороне и казалось мало привлекательным с виду. Сюда-то и зашел Калиостро не столько отдохнуть, сколько для того, чтобы остановить быстро бегущие мысли, которые рисовали уже ему Петербург, куда он намеревался отправиться, двор, северную Семирамиду, будущую свою славу, влияние и новые путешествия, новые успехи, новые ученики. Калиостро отгонял эти мысли, но, когда случалось ему быстро ходить, особенно одному, всегда эти картины, эти мечты приходили ему в голову. На этот раз графу показалось, что его место уже занято, так как из беседки раздавались голоса, но оказалось, что внутри никого не было. Калиостро заглянул в окно; оказалось, что по другую сторону здания, где был пустырь, находилась скамейка, где теперь сидело двое молодых людей, одного из которых граф сейчас же узнал за брата Анны-Шарлотты, молодого Амедея Медем, другой ему был неизвестен. Они продолжали разговор громко, очевидно, не думая, что их кто-нибудь услышит, к тому же зная, что место очень пустынно.

– Я так измучился в разлуке! — говорил тот, кого граф не знал. — Я считал не только дни, часы там, вдалеке от всех вас, от тебя, от ненаглядной Шарлотты... Помнит ли она обо мне?

– Она тебя любит по-прежнему... но теперь... отец ведь запретил говорить о тебе после того, как ты поссорился со своим батюшкой...

– С тех пор, как разнесся слух, что отец лишил меня наследства и выгнал из дома?

– Зачем так горько говорить? Конечно, отец, желая сделать свою дочь счастливой, не может опираться на одни твои чувства.

– А и на капитал?

– Не на капитал, а на твоё положение и доброе имя. Сестра и сама могла бы всем пренебречь, если бы...

– Если бы меня любила?

– Она тебя любит, Петр. Ты не можешь ничего сказать против этого. Это верно. Но она не хотела огорчать отца. Вообще здесь все против тебя очень восстановлены.

И это из-за детской шалости!

Из-за детской шалости!

Молодые люди помолчали. Потом Амедей спросил:

– Как ты вернулся? Ты помирился с бароном, или этот приезд навлечет на тебя еще больший гнев?

Слышно было, что тот только вздохнул.

– Что же, Петр, ты не отвечаешь, или ты уже не считаешь меня своим другом? — Я не изменился, я все тот же Петр Бирен, но я никому бы не посоветовал уезжать на полгода; самые крепкие, самые священные привязанности не выдерживают такого срока. О, Лотта!

Я тебя уверяю, что сестра моя любит тебя по-прежнему. И вот что я предложу тебе! Если ты явился тайком и не хочешь, чтобы тебя видели, поселись в моей рабочей комнате, туда никто не ходит, а обед я тебе буду носить, как тюремщик. Может быть, я даже намекну Лотте и устрою вам маленькое свидание.

– Амедей, ты настоящий друг!

– А ты не верил этому? Но пойдем. Становится темно. Но все-таки в Митаве трудно прожить инкогнито...

Действительно, становилось темно, в зеленоватом небе засветились звезды, и едва можно было различить лужи на дороге. Калиостро, подождав, когда уйдут друзья, стал уходить тоже, как вдруг ему показалось, что по дороге мелькнула серая тень. Будучи полон только что слышанного разговора, граф крикнул в сумерки:

– Шарлотта! Анна-Шарлотта!

Тень остановилась, Калиостро быстро по лужам подошел к ней; действительно, это была сестра Амедея. Она была в сером плаще и вся дрожала.

– Отчего вы здесь, дитя мое, и в такой час?

Желая преодолеть волнение, она ответила, стуча зубами:

– Я могла бы задать тот же самый вопрос вам, граф.

– Мне никто не может задавать вопросов. Но вы вся дрожите, вам холодно... Куда вы идете?

– Туда! — ответила девушка тоскливо, протягивая руку вперед.

– На кладбище?

Шарлотта кивнула головой.

– Зачем? Что за безумие!

– К брату.

– К вашему брату Амедею?

– Нет, к моему брату Ульриху!

Она отвечала монотонно и уныло, вроде ясновидящей, была совершенно непохожа на ту Лотту, что каталась с горы в детской куче, но Калиостро, успевший несколько

привыкнуть к характеру Анны-Шарлотты, уже не удивился этим переменам. Между тем девушка продолжала:

– Мой брат Ульрих скончался прошлый год... О, ни одна душа не была мне так близка, как его! Она и после смерти имеет постоянные сношения со мною. Я слышу его голос... чувствую его мысли, желания! Это странное и сладкое блаженство. Учитель, не препятствуйте мне.

Она продолжала дрожать и, казалось, сию минуту могла упасть. Калиостро взял ее за руку.

– Разве ваш брат здесь похоронен?

– Нет, он похоронен в Страсбурге, но он любил это место, и его душа охотно сюда прилетает.

– Успокойтесь! Она уже здесь. Вы слышите?

Выплыла неполная и бледная луна, осветив лужи и колонны беседки; тихий ветер качнул прутья берез. Шарлотта закрыла глаза и склонилась на плечо Калиостро.

– Да, я слышу, я чувствую! Как хорошо! – шептала она.

Граф повел ее домой, закрыв от сырости полой своего плаща и поддерживая одной рукою. Она едва передвигала ноги и улыбалась как больная. Тени от голых деревьев смутным рисунком бродили по лицу и фигуре идущих.

– Учитель, не оставляйте меня! – сказала Шарлотта. Калиостро, помолчав, ответил:

– Скорее вы меня оставите, дитя мое, чем я вас покину.

– Я вас оставляю? Это может случиться, если вы оставите сами себя! – с жаром прошептала Шарлотта и снова склонилась на его плечо.

4

Старуха Медем, видимо, была расстроена и невнимательно слушала Шарлотту. Та сидела на низеньком табурете и пела, аккомпанируя себе на арфе. Казалось, девушка похудела, хотя лицо ее не было меланхолическим, а освещалось скрытой, чуть теплившейся надеждой. Последние дни Анна-Шарлотта была особенно неровна, то молча сидя часами, то вдруг прорываясь какой-то буйной радостью. Сегодня был день тихой, элегической грусти. И романс, который она пела, подходил к ее настроению. В нем говорилось о разлученных влюбленных, которые одиноко поверяют свои жалобы, одна лесным деревьям, другой – морским волнам, и арфа передавала то влюбленные стоны, то шум дубравы, то морской тихий прибой. – Окончив песню, девушка не поднималась, а рассеянно перебирала струны, словно не желая, чтобы звуки улетели бесследно.

– Чьи это слова, Лотта? Я что-то позабыла.

– Чьи это слова? – задумчиво повторила Шарлотта и поправила волосы

– Да. Ты сама верно не знаешь.

– Нет, я знаю очень хорошо.

Не зная, к чему ведет свою речь старая дама, Шарлотта глядела вопросительно и молчала, ожидая продолжения.

– У меня случились маленькие денежные затруднения, которые мне не хотелось доводить до сведения мужа и твоего дяди. Собственно говоря, это дело, подробности которого тебе нет необходимости знать, меня не очень огорчает. Меня огорчило совсем другое обстоятельство, имеющее, впрочем, касательство к этому делу... Я обратилась к графу...

– К графу Калиостро? – спросила дочь, нахмурившись.

– Да, к графу Калиостро, нашему учителю и другу.

– Простите, мама, что я вас перебиваю... Но что вам нужно было, деньги?

– Если хочешь, деньги, притом такие, о которых никто бы не знал. Я попросила графа прийти мне на помощь и употребить свои знания в алхимии и свой опыт в увеличивавши брильянтов.

– Но, мама! – воскликнула с упреком младшая Медем и даже слегка отстранилась от матери.

– Что «мама»? Он сделал бы доброе дело и поступил бы дружески по отношению к нашему семейству. Доктор Штарк, несомненно это бы сделал.

Шарлотта молчала, крайне взволнованная; наконец, беззвучно спросила:

– И что же граф?

– Отказал... наотрез отказал. Сказал, что это все временные заботы (будто я не знаю, что это затруднение временное! Но я не святая!), что знание преследует другие цели, целую кучу вещей! Был надменен и неприятен. Боюсь, что наша дружба его портит.

Старуха хлопнула табакеркой и недовольно умолкла.

Молчала и Шарлотта, лицо ее сияло, из глаз текли слезы. Наконец она сползла к коленям матери и заговорила восторженным голосом:

– Он отказался, благодаренье Небу! Он отказался, а ты так просила! Милый граф, дорогой учитель, вы выдержали большое испытание! Мама, мама, не огорчайтесь, вы были только орудием в Божьих руках. А затруднения, они минуют! Бог пошлет своего слугу, может быть, он уже на пороге, чтобы избавить нас слабых и от этих мелких забот!

Она целовала и гладила старую даму, как вдруг, взглянув в зеркало, вскрикнула и вскочила:

– Граф, и с ним... и с ним барон Петр фон Бирен! – Шарлотта! – строго начала г-жа Медем.

– Раз он идет под руку с графом Калиостро, значит, можно произносить его имя: Петр фон Бирен, Петр фон Бирен! Возлюбленный мой.

И девушка спрятала свое пылающее лицо на груди г-жи Медем, которая, выпрямившись и насторожившись, смотрела на двери.

На пороге, улыбаясь, показался граф под руку с высоким молодым человеком с маленькой головой, прямым носом и выдающимся подбородком. Он то краснел, то бледнел, вертел в слишком длинных руках треуголку, вообще казалось, что Калиостро насильно тащит упирающегося юношу.

Не дав времени заговорить г-же Медем, граф быстро и громко начал:

– Анна-Шарлотта права: имя этого молодого человека может звучать в этом доме как имя всякого благородного и честного человека. Г-жа Медем, барон Петр фон Бирен является как ответ на ваше желание. Он помирился со своим отцом, со своею совестью и восстанавливается во всех своих правах. Только черствые сердца могут помнить прошлое, заглаженное раскаянием и добродетелью, зло. Примите юношу из моих рук. Еще прибавлю: Петр Бирен любит вашу дочь и она — его. Не следует тушить чистого пламени их сердец, чтобы их души, ожесточившись, не

загорелись тусклым огнем страсти. Г-жа Медем, я обращаюсь к вам, как к матери, как к благородной и великодушной женщине, как к ученице – взгляните на них! У вас доброе сердце. Благословите их. Убедить вашего супруга берусь я.

Г-жа Медем долго молчала, смотря то на пришедших, то на застывшую на ее груди Шарлотту, наконец, сказала:

– Добро пожаловать, молодой друг.

Калиостро заплотировал, проворчав: «браво свату», и толкал барона, чтобы тот скорее целовал руку у будущей тещи, как вдруг Шарлотта, подняв свое заплаканное и смеющееся лицо, бросилась через всю комнату не к Бирену, а к арфе, быстро опустилась на табурет, рванула струны и, закинув голову, запела полным голосом, на этот раз не казавшимся даже сухим:

Творца прославим: Он Велик!

Любовь – Он и благоволение.

Святым в сердцах Господень лик,

Любви небесной отраженье.

Г-жа Медем стояла растроганная, прижав платок к глазам, опираясь, с одной стороны, на во весь рот улыбавшегося графа, с другой – на барона фон Бирена, не отводившего воспаленных и восторженных глаз с закинутой головы певицы. На пороге показался граф Медем, увидя группу, остановился, приложив палец к губам, будто прося не прерывать музыки, так как он все понял и на все согласился.

5

Деревья уже покрылись зеленым пухом, дороги просохли, запели птицы, пастухи уже недели две выгоняли стада в поле; граф устроил особенную ложу, посвятив все семейство Медем, их родственников, семейство Ховен, советника Швандера, нотариуса Гинца, доктора Либе и даже кенигсбергского майора Корфа, бывшего гонителя Калиостро, теперь приехавшего в Митаву и сделавшегося одним из самых ревностных учеников нового учителя. Граф делал последние наставления и проводил последние дни в кругу друзей, собираясь вскоре отправиться в Петербург. Предстоящее путешествие не очень нравилось митавцам, рассчитывавшим, что Калиостро надолго, если не навсегда, останется в их городе, но наставник понимал, что его деятельность не может ограничиться Курляндией к что, несмотря на крепкие сердечные привязанности, путь его лежит все дальше и дальше. Семейство Медем считало его вполне за своего человека, особенно Анна-Шарлотта и ее жених, видевшие в Калиостро благодетеля и виновника их счастья. Они мечтали, что он отложит свой отъезд до дня их свадьбы, но Шарлотта не просила об этом, зная, что дела более важные, чем ее личная судьба, занимают графа, и втайне надеясь, что к концу мая он вернется в Митаву. Сам Калиостро был озабочен и несколько рассеян; часто во время бесед он умолкал, все молча ждали его слова, через минуту он проводил рукою по глазам, извинялся в продолжал свою речь усталым, разбитым голосом.

13 мая было назначено последнее собрание. Лоренца уже уложила сундуки и баулы, потому что на раннее утро были заказаны лошади.

Все были печальны и нервны, как перед отъездом. По обыкновению в комнату, где стоял стол с графином чистой воды, заперли "голубя" (на этот раз маленького Оскара Ховена, как и в день приезда Калиостро) и, прочитав молитвы, сначала спрашивали у него, видит ли он, что делается в зале, чтобы знать, готов ли он принять видения. По знаку Калиостро Шарлотта опустилась перед ним на колени, держа в руках карманные часы. Сам граф стоял у двери в маленькую комнату, чтобы лучше слышать ответы голубя.

– Видишь ли ты нас? – спрашивает граф.

– Вижу! – раздается из-за двери.

– Что делает Анна-Шарлотта?

– Стоит перед тобой на коленях, в руках у нее часы, на часах десять часов.

Все это вполне соответствовало происходившему.

– Что ты еще видишь?

За дверями было тихо.

– Что ты еще видишь?

Опять не было ответа. Все молчали и напряженно ждали. Шарлотта так и осталась, не вставая с колен. Вдруг в голубиной комнате нежно и внятно прозвучал поцелуй.

– О, небо! – прошептала Шарлотта.

Повременив, Калиостро снова спросил:

– Что ты видишь?

– Духа, он в белой одежде, на ней кровавый крест.

– Какое у него лицо, милостивое или гневное?

– Я не вижу, он закрыл лицо руками.

– Спроси об имени!

– Он молчит.

– Спроси еще раз.

– Он продолжает молчать.

– Спроси как следует.

– Он говорит... он говорит, что позабыл свое имя.

Калиостро побледнел и произнес дрожащим голосом?

– Что ты еще видишь?

Молчание. И снова нежно и внятно прозвучал поцелуй.

– Среди нас Иуда! – закричал на весь зал граф, смотря пылающим взглядом на Анну-Шарлотту.

Та закрыла лицо руками, поднялась среди общего смятения, но когда, отведя руки, взглянула на неподвижного Калиостро, с криком: «он сам» упала на пол как бездыханная.